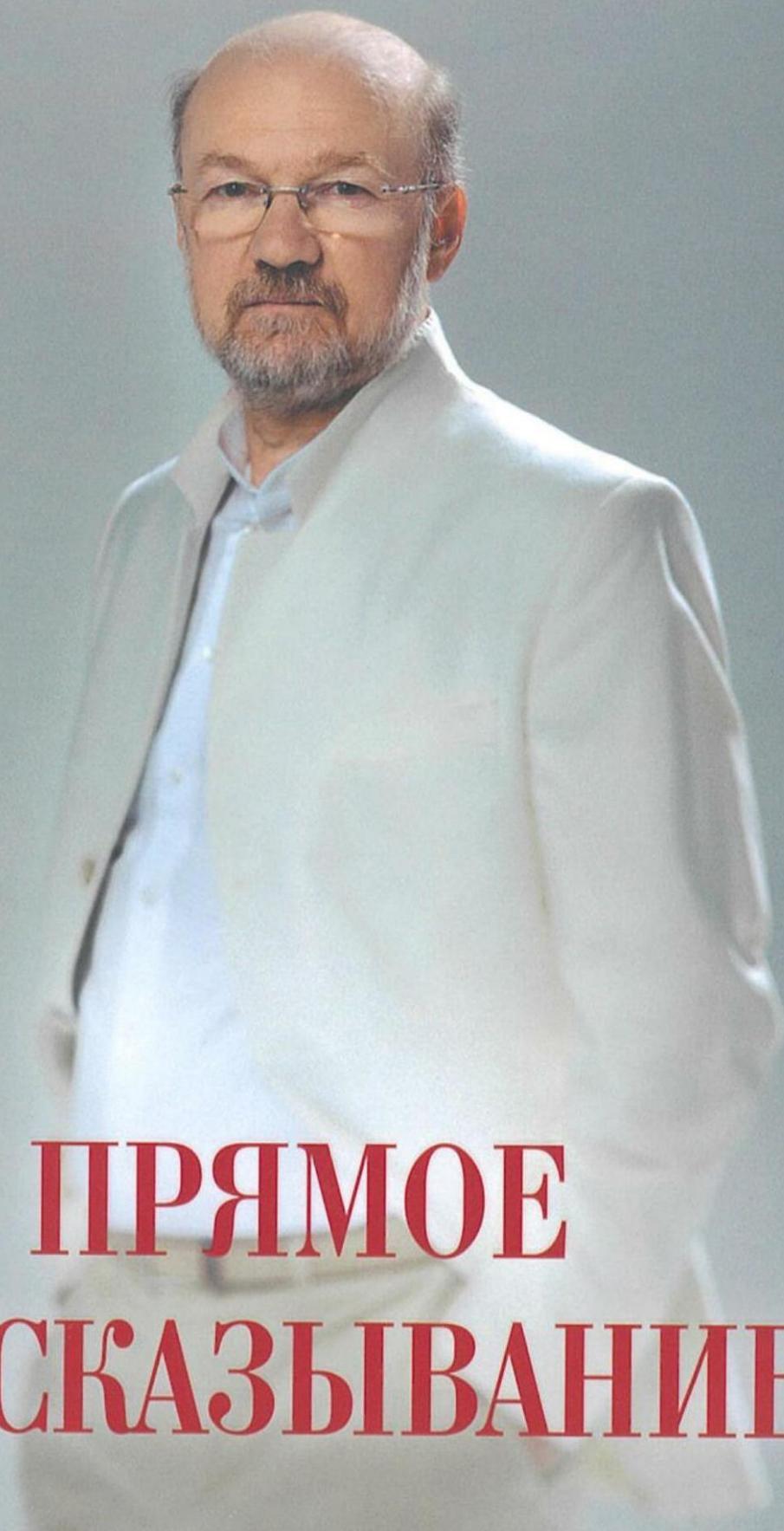

Александр
ЩИПКОВ

**ПРЯМОЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЕ**

Александр Щипков
Прямое высказывание

«Автор»

2019

УДК 301
ББК 87.6

Щипков А. В.

Прямое высказывание / А. В. Щипков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-00111-563-2

В своей новой книге известный политический философ Александр Щипков предлагает читателю серию концептуальных текстов, посвященных наиболее актуальным общественным процессам. В поле зрения автора кризис мировой экономики и политических институтов, грани постмодернистского и постсекулярного сознания, реабилитация нацизма, пересмотр концепции тоталитаризма и роль православия в русской национальной истории. Для книги А. Щипков выбрал форму методологического интервью. Текст строится по вопросно-ответной системе. Вопросы составлены автором – они возникают из самого материала как принцип его организации. Книга адресована как интеллектуальному сообществу, так и широкому читательскому кругу.

УДК 301

ББК 87.6

ISBN 978-5-00111-563-2

© Щипков А. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Большое гражданское общество	7
Ложь «догоняющего развития»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Владимирович Щипков

Прямое высказывание

© Щипков А. В., 2019

© Торговый дом «Абрис», художественное оформление, 2019

Предисловие

Эта книга необычна. Необычна не только на фоне текущей публицистики, но и для творчества самого автора, Александра Щипкова, политического философа и общественного деятеля, известного многим по авторской программе на телеканале «Спас». Своеобычен и жанр этой книги. Говоря о нем, нельзя не вспомнить многолетние споры критиков о так называемых «лонгридах». Есть мнение, будто время крупных публицистических материалов прошло: мол, у читателя нет на все это времени, он предпочитает малые, компактные формы.

Автор «Прямого высказывания» исходит из того, что читатель разный, а интересного, насыщенного идеями текста много не бывает. Для книги, которую читатель держит в руках, выбрана форма *методологического интервью*, знакомая всем по катехизисной литературе. В этом случае текст, как и в обычном интервью, строится по вопросно-ответной системе. Только вопросы задает не интервьюер из какого-либо издания. Они возникают из самого материала как принцип его организации. Кому-то подобный подход может показаться даже несколько старомодным, но ведь всякое новое – это всего лишь хорошо понятое старое.

Название книги мне тоже нравится. Оно лишено ненужной витиеватости. «Прямое высказывание» означает буквально то, что и означает: книга содержит прямые высказывания автора на самые актуальные социально-политические, религиозные и культурные темы – без оглядки на конъюнктуру и условности, без лишних иносказаний и эвфемизмов. Автор откровенен – редкое качество для пишущего человека в наши дни.

Впрочем, название книги имеет свою историю. Оно отсылает к статье Николая Пиотровского «Прямое высказывание» из философского сборника «По-другому» (М.: Абрис, 2017). Существенное различие заключается в том, что статья Николая Пиотровского была посвящена вопросам культуры, тогда как тематика новой книги Александра Щипкова гораздо шире и нацелена на социально-политическую проблематику. А подзаголовок – «Кто мы, православные, и куда идем» – в полной мере раскрывает замысел и задачи автора, рассуждающего об историческом пути русской православной нации.

Летом 2018 г. в Москве на встрече с Патриархом Александрийским и всея Африки Феодором Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Мы прожили непростые 1030 лет. Было почти трехвековое иго, были междоусобные войны, социальные и политические потрясения, страшные войны, которые названы мировыми, была революция и даже не одна. Но если сегодня, в XXI веке мы празднуем 1030-летие Крещения Руси, это значит, что действительно Бог присутствует в нашей истории, рука Божия видна здесь. Потому что иначе мы должны бы быть совсем другим народом и другой страной, которая, неизвестно, насчитывала бы столько лет существования или нет».

Православные в публичном пространстве давно не ассоциируются только с «богомольными старушками». Это уже не только религиозное, но и социальное понятие. Православные в России – это люди восточнохристианской культуры, разделяющие ее ценности, а эти ценности, как известно, наряду с церковно-религиозным мировоззрением имеют и светскую форму православной этики.

Вопрос «Куда мы идем?» волнует сегодня всех, но не всем внятны те ценности, цели и интересы, которые определяют дальнейший ход нашей национальной истории. Слушающие не всегда слышат. Поэтому новая книга Александра Щипкова «Прямое высказывание» в значительной мере посвящена поиску нового языка русской православной традиции в современном мире. Задача трудная, но благодарная.

Юрий Поляков

Большое гражданское общество

*Что такое гражданское общество? Почему в России это застывшее и неприкасаемое понятие, а на Западе оно не имеет единого определения и часто подвергается критике? Всегда ли гражданское общество исключает тоталитаризм, в чем состоит разница между гражданским обществом меньшинства и большинства? Какое отношение имеет к этому различию средний класс и почему он исторически обречен, кто является гарантом равенства свобод в *civil society*?*

– В 2017 году вы ввели понятия «большого» и «малого» гражданского общества. Зачем? Чем вас не устраивает устоявшееся понятие «гражданское общество»?

– Понятие «гражданское общество» (*civil society*) в российском политическом контексте распространилось так широко, что давно уже превратилось в стикер. А между тем единого научного определения этого явления нет. Сегодня общественная жизнь существенно расходится с социологическим описанием общества. В результате язык описания теряет объяснительные возможности, превращаясь в набор застывших понятий и формул. Так было в позднесоветский период. Происходит идиоматизация языка. Это общая проблема. Понятие «гражданское общество» – один из таких окаменевших концептов. В ближайшем будущем он существенно изменит содержание. Подсчет одних только эпитетов, употребляемых вместе с этим понятием, дает очень пеструю лингвистическую картину. Например: «национальное», «транснациональное», «демократическое», «абсолютное», «относительное», «правовое», «социалистическое», «моральное», «реальное» и так далее.

– Да, богатый набор.

– Часть критиков *civil society* называет это понятие «элементом социального самоописания» и идеологемой, а не подлинным научным понятием. Мы продолжаем употреблять это понятие в устаревшем значении – как синоним «активного» привилегированного меньшинства, которое требует от государства сохранить ему привилегии в ущерб интересам остальных граждан. Между тем в социальной реальности неизбежен сдвиг в сторону сплоченного большинства с общим пониманием национальных задач. Я это называю «большим гражданским обществом».

– Чем может быть вызван этот сдвиг?

– Тем, что социальные меньшинства сегодня стремительно теряют влияние. О причинах этого явления я расскажу ниже.

– Концепций много, а термин один. Много непроясненного и плохо изученного. Каковы уязвимые места существующих концепций гражданского общества?

– Прежде всего: до сих пор не ясно, что является гарантом сохранения *равного уровня свобод* в гражданском обществе – если, конечно, не считать ответом на этот вопрос забавные разговоры о «невидимой руке рынка», самонастраивающейся «системе сдержек и противовесов» и тому подобные сказки. Совершенно очевидно, что гарантом *равного уровня свобод* может быть только государство. Либо легальное (сильное, суверенное), либо анонимное «глубинное государство» (*deep state*), реальная власть в котором принадлежит не официальным структурам, а скрытым. В любом случае без такого субъекта и гаранта не может быть устойчивого гражданского общества, оно просто скатится в «войну всех против всех», говоря словами Томаса Гоббса.

– Каковы исторические корни понятия?

– В какой-то мере оно сложилось как результат частичной десакрализации понятий «государство» и «церковь». Новый институт приобрел собственные святыни – естественное право, священное право собственности, веру в универсальность прогресса. Поэтому понятие «гражданская религия», впервые озвученное Руссо, было не просто метафорой. Гражданская религия – это религия гражданского общества. Но если церковь открыта для каждого, то быть полноправным членом гражданского общества, не будучи собственником, было невозможно. Лишь немногие личности, располагающие имущественной независимостью и образовательным статусом, могли считаться членами *civil society*.

– Что изменилось в XX веке?

– В XX веке появился и неимоверно разросся средний класс. Нынешнее гражданское общество состоит из представителей среднего класса и его политического авангарда – «креативной» прослойки. Этому классу и этой прослойке обычно приписывается некая важная социальная миссия, например: «гарант социальной стабильности», «канал обратной связи с государством», «фильтр общественных требований к политической системе». Главная подмена в этом подходе – желание выдать часть общества за все общество, наделять себя правом говорить от лица остальных. Поэтому я назвал это явление «*малым гражданским обществом*».

– Откуда эта подмена?

– С точки зрения этого слоя, который представляет собой социальное меньшинство, его интересы должны быть удовлетворены государством за счет интересов широких слоев. Например, обеспечивать привычный уровень потребления за счет внешних кредитов вместо защиты прав собственного народа или избавляться от реальной индустрии вместе с реальными рабочими местами ради бумажной ассоциации с ЕС, как это случилось в Киеве. А ведь широким слоям нужно совсем другое – сохранение социальных прав. *Социальные права являются единственным капиталом народа*, другого капитала у него нет. Плюс ценности традиции и нравственности, которые способствуют сохранению именно этого капитала.

– Вернемся к среднему классу. Почему он совершил такой «скачок»?

– Не без посторонней помощи. Средний класс вырастили и выкормили специально для роли общественного цербера. Это произошло в 1980-е годы, во времена рэйганомики, когда Запад решил противопоставить советскому гегемону-производителю (пролетариату) своего гегемона-требителя. Для этого он перешел к методам «накачки спроса» и потребительскому рефинансированию. Но это решение имело, как выяснилось потом, слишком высокую цену: разросшийся средний класс начал жить не по средствам. Система работала до тех пор, пока финансовая глобализация не достигла своих естественных пределов.

– А что произошло потом?

– Сегодня эти пределы достигнуты, о чем свидетельствует мировой кризис. И средний класс, а особенно его партийный авангард – креаклиат, – напуган. Мировая экономическая конъюнктура складывается не в его пользу. В результате общего падения эффективности капитала и мирового финансового кризиса нас ждет «великая депрессия» общемирового масштаба. Следовательно, численность и уровень жизни среднего класса резко сократятся – примерно до показателей 1970-х годов. Философ Славой Жижек называет это состояние среднего класса «страхом пролетаризации».

– Почему элиты решились на демонтаж среднего класса?

– Представьте себе четырехэтажную финансовую пирамиду: элиты, средний класс, собственные низы и низы чужие, живущие в странах мировой периферии, включая Россию. Именно за счет последней, четвертой группы элита кормит вторую группу и подкармливает третью. Эта схема работает, пока есть трудовые ресурсы и неосвоенные рынки. Но в один прекрасный момент добывать средства для поддержания системы становится неоткуда – только изнутри самой системы. Значит, нужно ее структурно перестроить и упростить. Наблюдение показывает, что «под нож» этой перестройки пускают именно средний класс. Миддлам и креаклам это категорически не нравится. Они берут плакаты, булжники, коктейли Молотова и выходят на майданы. Они шантажируют верхи, чтобы те принесли в жертву не их, а простолюдинов – «серых ватников». В первый момент, чтобы сбить волну, элиты делают вид, что уступают. Но потом все идет своим чередом. Миддлы и креаклы ропщут. Они берут на щит идеологию, через которую красной нитью проходит социал-расизм, презрение к «быдлу» – словом, к низам, в которые сами они категорически не хотят превращаться.

– **Их лозунг – «Активная часть общества делает свой выбор».**

– Да, высказывание забавное, наигранное и пафосное. С политтехнологического языка на русский оно переводится так: «Мы не они, дайте нам больше». Это незамысловатое желание камуфлируется рассуждениями о важности «гражданских институтов», которые тоже переводятся на нормальный язык очень просто. А именно: «Общество – это мы». По аналогии с известным «Государство – это я». Но поскольку остальную часть общества невозможно просто взять и стереть ластиком, то приходится прибавлять термин «гражданское». То есть они изначально проводят разделительную линию и искусственно создают оппозицию «гражданское общество» – «остальное общество».

– **Но ведь, скажем, на митингах оппозиции стоят люди разных социальных положений.**

– Меня интересует не одежда, а то, в пользу чьих лозунгов и требований стоят митингующие. Обратите внимание – либеральная оппозиция никогда не требует отставки правительства, смены социально-экономического курса, социальных гарантий и т. п. Речь всегда идет только об одном – о делегитимизации государства как такового, самой системы управления. Это и есть истинная позиция адептов малого гражданского общества.

– **Эта позиция в состоянии что-то изменить?**

– По большому счету уже не в состоянии. Логика развития существующей системы неумолима. Они могут притормозить процесс ценой большой крови, используя в качестве инструментов экономический ультралиберализм и нацизм, но не остановить его.

– **Однако истерические нотки у них в голосе слышны все отчетливей.**

– Это неудивительно, ведь элита лишает их статуса привилегированной прислуги. Их решено расчитать. Они оскорблены в лучших чувствах и требуют: «Не нас, не нас – их!» Требуют выжимать последнее, до капли, лишь бы еще немного пожить на глобалистскую ренту. Но элиты уже пребывают в историческом цейтноте. Часики тикают. Поэтому даже в среднесрочной перспективе этот класс обречен. Отсюда и страх, и обида. Отсюда их фашизоидность, склонность к ультраправому дискурсу.

– **Это политические перегибы?**

– В российской либеральной трактовке «гражданское общество» – это универсальная идеологическая дубинка. Точнее, идеологема, которая оправдывает методы, противоречащие

ее внутреннему содержанию, – командно-административные, силовые, репрессивные. Научим свободе штыками. . .

– Обычно утверждается, что гражданское общество и тоталитарность – две вещи несовместные.

– Это один из устойчивых стереотипов, который опровергается практикой. Малое гражданское общество имеет отчетливую тенденцию к тоталитарности. Сегодня тоталитарность связана в том числе и с привычной «антитоталитарной» риторикой, на которой построен новый идеологический формат.

– Это тоталитарность с обратным знаком?

– Да. Тоталитаризм с антитоталитарной риторикой на устах – один из причудливых феноменов нашей эпохи. Это очень печальный тренд. Но, в конце концов, такова парадоксальная диалектика истории. В одну реку можно войти дважды, если она начнет течь в противоположную сторону. Именно в такое время мы и живем.

– Благодаря этому малое гражданское общество идеологически доминирует?

– Не столько идеологически, сколько культурно. Одним из источников производства символического капитала является сформированный у большей части общества комплекс неполноценности – уверенность в том, что мы политически бесплодны, а русская нация то ли вообще не сформировалась, то ли не доросла до политического «совершеннолетия». А если это так, активному меньшинству остается только забрать понятие «гражданское общество» себе, присвоить его. Ведь хозяина у понятия нет. Получается, что понятие – ничье. Задумайтесь, с какой целью происходит категорическое и даже какое-то истерическое шельмование «Бессмертного полка», тиражирование оскорбительных статей про «победобесие»? Гибель миллионов, геноцид, национальное выживание – слишком серьезные составляющие русской истории. Именно в эту точку и наносится удар. «Бессмертный полк» – это пример национальной самоорганизации и стопроцентный институт подлинного гражданского общества. Именно поэтому его легитимность стремятся любыми способами поставить под сомнение. Все ради конченной цели – перехватить желанный статус.

– Как, при каких условиях складывается гражданское общество большинства?

– Большое гражданское общество складывается в ходе национальной самоорганизации. Особенно часто это проявляется в кризисных, нестандартных ситуациях: вспомним ополчение Минина и Пожарского, выкликание Михаила Романова на царство, Крымский референдум, «Бессмертный полк». Все это ситуации ускоренной самоорганизации гражданского общества. В них-то и проявляется подлинная институциональность, вырастающая из традиции, а не навязанная привилегированными властными группами. Это и есть те самые «институты» гражданского общества.

– Это формы самоорганизации людей?

– Да.

– Государство их подавляет?

– Подавлять их может любой властный субъект в своих интересах, включая и государство, но защищать способно только государство. Потому что остальные властные субъекты вообще не обязаны это делать.

– В России сформировалось гражданское общество?

– Конечно. Немалый период русской истории оно подавлялось. Подавляется и сейчас. Наше большое гражданское общество не похоже на западное, оно не связано с либерализацией самодержавия или с секуляризацией. У него другие основания. Русская секулярная реформация, как и русское просвещение не были движением снизу, как в Германии или Франции. Это были проекты, навязанные нам сверху – элитами. Частично «реформация» удалась, поскольку, ликвидировав патриаршую структуру, сформировала казенную церковь и разрушила теократическое гражданское общество, которое складывалось вокруг Церкви. На низовом уровне, куда не дошли усилия реформаторствующих верхов, сохранялся исходный, коммунитарный тип социальности (общинный), он-то и был «внеполитическим» (о чем говорили еще славянофилы). Таким образом, в России развитие подлинного гражданского общества было и остается связанным не с модернизацией, а именно с традицией.

– Вы часто говорите и пишете о социал-традиции. Что такое гражданское общество с этой точки зрения?

– С точки зрения социал-традиционализма, гражданское общество – это солидарное общество, в котором, используя тезис А. де Токвиля, «важны не процедуры, а цель». Эта цель – принцип взаимной ответственности, взаимопомощи (на церковном языке – соборная сотерия, помощь в деле спасения души). Данный принцип спасает общество от возвращения в «естественное» состояние нового варварства. Социалтрадиционалистский подход противоречит концепции естественных прав и попперовской идее «открытого» общества, которая на деле приводит к власти закрытые корпоративные структуры. Идеи социал-традиционализма заставляют задуматься о роли фактора большинства в гражданском обществе.

– Какова же эта роль?

– Разумеется, решающая. Единственный критерий реальной демократии – это принцип большинства.

– Какова первая задача большого гражданского общества?

– Задача большого гражданского общества – уйти от социальной эзотерики элитаризма, дать шанс большинству выбирать общее будущее. Демократия – это власть народа, охраняемая государством, а не власть одних социальных групп над другими при попустительстве государства. Вот в чем кардинальное отличие большого гражданского общества от малого. Малое гражданское общество – это форма диктатуры, форма тоталитаризма. Общество нельзя считать «политическим», если большая часть его членов просто выброшена за рамки политического процесса и не участвует в принятии решений. Это напоминает мне античную «демократию», которая не распространялась на рабов.

– Гражданское общество предполагает свободу каждого?

– Гражданское общество – не общество неограниченной свободы. Это общество, в котором *все свободны в равной степени*. Свобода одних за счет других – это не свобода, а диктатура. А значит, свобода отдельно взятого индивидуума неизбежно предполагает ответственность и самоограничение.

– Кто это может обеспечить?

– Только сильное государство с Божьей помощью. Имущественное равенство недостижимо, хотя социальное расслоение должно быть ограничено разумными пределами. А вот равенство прав и свобод может и должно быть обеспечено. Или мы ставим вопрос именно таким образом, или нам надо прекращать болтать о демократии и честно признать, что нас устраивает та или иная форма диктатуры. Третьего пути нет.

– Итак, малое гражданское общество сходит с исторической сцены?

– Как и его социальный контингент. Таким образом, удельный вес креативного класса в обществе резко сокращается количественно и качественно, причем по объективным причинам. При этом само по себе гражданское общество сохранится, но примет более аутентичный вид, и составлять его будут представители других социальных групп. Так получится «большое гражданское общество». Гражданское общество большинства. Социологам уже сегодня предстоит объяснить обывателю и власти смысл происходящих перемен и дать определение нового гражданского общества. И первое, что придется сделать, – это признать факт подмены, попытку выдать малое за большое. А затем честно сказать, что в России менталитет социального большинства связан с понятием социальной справедливости, с пониманием гуманизма как милосердия и нравственности. Чем раньше мы выйдем за рамки выработавших свой ресурс стереотипов, тем быстрее мы сможем взять в свои руки ответственность за свое будущее. И новому большому гражданскому обществу предстоит сыграть в этом решающую роль.

Ложь «догоняющего развития»

Кто виноват в вековом «отставании» России от Запада? Во всем ли мы отстаем, и только ли Россия отстает? Можно ли догнать мировые центры капитала, оставаясь на «периферии» экономико-политического пространства? Как понимать «прогресс»?

– **Проблема отставания России от Запада все время вызывает пристальный, а то и нездоровый интерес. Он оправдан? Ведь нельзя отрицать, что до начала XVIII века наука и искусство в России отставали от западноевропейских.**

– Промышленный переворот XVIII–XIX веков вообще вначале утвердил безусловное британское лидерство. Но смотрим дальше. С одной стороны – Лавуазье, Уатт, Эдисон, Парсонс, Сименс, Маркони, Даймлер, Бенц, Дизель. С другой – Ломоносов, Циолковский, Менделеев, Лодыгин, Яблочков, Попов. Так ли у нас все было плохо с наукой? Другое дело – реализация изобретений, но это уже вопрос социально-политический, а значит, связанный с геэкономикой. И вот геэкономика сталкивала Россию на аграрный путь. Здесь отставание действительно было. Но зададимся вопросом: а что такое прогресс, стоит ли говорить о нем обобщенно?

– **В каком смысле?**

– Можно ли говорить о Прогрессе, имея в виду не технические открытия, а именно «Прогресс вообще», «Прогресс человечества», Прогресс с большой буквы. Когда пели гимны веку Прогресса, обычно не уточняли, что именно и куда развивается. По аналогии с техникой мыслили развитие культуры и общества – так возник миф прогрессорства. К чему это привело? XX век – это самые бесчеловечные войны в истории, самая бесчеловечная идеология (нацизм), больше всего заключенных в концлагерях всего мира, самое страшное оружие, мировой терроризм, разрушение семьи, гимн греху и потреблению, виртуальная экономика, жизнь в информационных «пузырях». А где же «Прогресс всего»? Модель монетаристского общества терпит фиаско. Некритичное отношение к идее прогресса привело к ее мифологизации. Антураж научности и прогрессивности заслонил собственно прогресс. Много инноваций, но прорывные открытия в области фундаментальной науки давно не происходят. Мы до сих пор живем за счет открытий 1970-х годов. Научно-критическое сознание утрачивается вслед за религиозным. «Цифровая экономика» имеет мало общего с наукой и классической рациональностью. «Нажми на кнопку – получишь результат» – это и обезьяна может, если дать ей вместо палки кнопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.